

Линь Шуйши упал в ледяную реку, захлебнув несколько глотков ледяной воды. Его руки, пытавшиеся выбраться, обмякли, и он быстро потерял сознание.

В безмолвном и бескрайнем чернильно-синем мире подо льдом медленно опускалась в холодные глубины маленькая фигурка.

Внезапно! Острая клешня схватила его, вытаскивая из ледяной воды.

Его насквозь промокшая одежда прилипла к телу, обнажив изящную округлую фигуру. Его бледное и нежное лицо, медленно появляющееся над поверхностью воды, казалось, слабо светится в угасающем лунном свете, словно в мирном сне ожидая, когда кто-нибудь его разбудит...

Тем временем старик Чжэн и его группа ждали в лесу с утра до полудня, но Дуншэна все еще не было видно. Согласно его описанию прошлой ночью, он должен был вернуться с Шуй-гером к полудню. Но теперь, когда день сменился ночью, от них по-прежнему не было никаких вестей.

Обеспокоенная группа больше не могла сидеть сложа руки и решила пойти по следу, оставленному собакой, которую Дуншэн взял с собой, и отправиться на поиски в горы.

Наступила ночь, когда Линь Шуйши очнулся от обморока. Все его тело онемело и покалывало, но было странно тепло. Он смутно слышал бормотание голосов вокруг себя. Когда он сел и огляделся, то увидел перед собой костер, вокруг которого собралась группа мужчин в простой одежде. Среди них был Дуншэн с повязкой на голове, он пил воду и гладил собаку.

Увидев, что Линь Шуйши сел, слегка коренастый мужчина средних лет тут же повернул голову и удивленно воскликнул:

— О, Шуй-гер проснулся!

Остальные быстро отложили свои дела и собрались вокруг него.

Все они, казалось, были глубоко тронуты, но никто из них не протянул руку, чтобы коснуться его. Несмотря на то, что они были старейшинами, они все равно оставались мужчинами, а Линь Шуйши был гером на выданье, поэтому они держались на почтительном расстоянии.

— Шуй-гер, ты очнулся? Ты еще помнишь своего дядю Чжэна? — старик, сидевший рядом с ним, говорил с волнением и грустью. — Ах, ничего страшного, если ты не помнишь. Твоего отца уже много лет как нет, и это наша вина, что мы не заботились о тебе должным образом.

Линь Шуйши посмотрел на окружающих его людей, не в силах их всех узнать. Его воспоминания как Шуй-гера уже были туманными, особенно те, что относились к раннему

детству. Он мог лишь смутно вспомнить несколько лиц. Но он решил, что, скорее всего, это были старые друзья его отца.

Линь Шуйши испытывал к ним глубокое уважение и благодарность. Говорят, что дружба угасает после смерти человека, но эти люди отважно отправились в Дуншань, несмотря на опасности и неизвестность, чтобы найти маловероятно выжившего сына своего старого друга. Их преданность и крепкая связь были очевидны.

Когда Линь Шуйши попытался встать, его тело покачнулось. По сигналу старика Чжэна Дуншэн опустился рядом с ним на колени и помог ему подняться.

Затем Линь Шуйши тихо произнес:

— Я смутно помню вас всех, дяди. В детстве вы все были очень добры ко мне, а теперь вы отважились на такой риск, чтобы приехать в Дуншань и спасти меня. Я вам очень благодарен и всегда буду помнить об этом.

Услышав это, группа испытала теплое чувство удовлетворения. Их усилия не были напрасными! Они убедились, что Линь Шуйши не только помнит их, но и, похоже, находится в здравом уме, без признаков психического расстройства, вызванного пребыванием на горе.

Старик Чжэн был особенно доволен. Хотя родимое пятно Линь Шуйши было едва заметным, важнее всего был его характер. Имея много собственных сыновей, он не беспокоился о продолжении рода — он всегда мог устроить так, чтобы один из них продолжил династию!

Дуншэн дал Линь Шуйши немного горячей воды. Линь Шуйши помогли подняться, но он не почувствовал ничего необычного. Если бы он жил в современное время, то, возможно, понял бы намек, но он счел это совершенно нормальным и не придавал этому значения.

Как только он немного пришел в себя, то вдруг почувствовал под собой знакомую поверхность. В ярком лунном свете он увидел, что это была толстая овчина, которую он изначально выделал!

Его сердце екнуло. Он быстро повернулся к Дуншэну и спросил:

— Откуда взялась эта овчина?

Прежде чем Дуншэн успел ответить, Линь Шуйши увидел группу ухоженных маленьких лошадок, выбегающих из леса. Он с удивлением увидел милого черного жеребенка с заплетенной гривой.

— Как она сюда попала? — спросил я.

Дуншэн был озадачен:

— Разве это не овчина, которую ты сам сделал?

Линь Шуйши сделал паузу.

— Э-э, я немного в растерянности. Что случилось?

Тогда Дуншэн объяснил ситуацию.

Дуншэн был сбит с ног неизвестным диким зверем и некоторое время пролежал без сознания под деревом. Их нашли старик Чжэн и его охотничья собака.

«Они» были упомянуты потому, что в то время Линь Шуйши спокойно лежал на мягкой подстилке из сена, одетый в меховую одежду, а рядом стоял величественный маленький конь. На спине у жеребенка была корзина с вещами.

Маленький конь сторонился людей и держался на расстоянии. После того, как они унесли Линь Шуйши, маленький конь последовал за ними рысью. Группа предположила, что это вещи Линь Шуйши, и не стала разбираться дальше.

Сердце Линь Шуйши бешено заколотилось, но выражение его лица оставалось спокойным.

— Я не планировал брать их с собой. Я не ожидал, что маленький конь последует за мной. Я спас его в дикой природе.

Дуншэн, поверив в это, рассмеялся и сказал:

— Ха-ха, он знает, что ты был добр к нему.

В тот момент Линь Шуйши был не в настроении разговаривать, и, увидев, что он беседует с Дуншэном, остальные решили собраться у костра.

Тогда Линь Шуйши встал, опираясь на землю, и подозвал маленького коня. Услышав Линь Шуйши, вороной жеребенок без колебаний подошел к нему, изящно виляя хвостом и тыкаясь в него мордой.

Линь Шуйши поспешно открыл две бамбуковые корзины, которыми пользовался чаще всего. В одной из них лежало большое количество хорошо выделанных овечьих шкур, которые он добыл в тот день, когда работал на волчьих горячих источниках. Они были высушены и сложены друг на друга. Среди них было более тридцати красивых яиц, которыми он всегда дорожил.

В другой корзине лежали сушеные орехи, фундук и несколько крупных грибов линчжи, которые он не доел, а на дне лежала толстая стопка волчьей шерсти. Его свитер из волчьей шерсти, связанный вручную, был скомкан и засунут внутрь.

Глаза Линь Шуйши затуманились, а в носу зашипало. Через некоторое время он мысленно выругался: «Дурак! Это тебе».

Но пути назад не было. Вскоре они добрались до пограничной реки, покинув территорию волчьей стаи с горы Дуншань, срезали путь через холмы и добрались до деревни Жэхэ.

С хребта деревня Жэхэ казалась довольно большой, хотя местность была неровной. Каждый глинобитный дом был построен в шахматном порядке, не очень упорядоченно. В этот час все были заняты приготовлением ужина, и из каждого дымохода поднимался дым, смешиваясь с поднимающимся от реки паром и создавая оживленную атмосферу.

Деревня была расположена в хорошо продуманном месте: зимний ветер уносил туман Жэхэ в другую сторону, сохраняя деревню чистой и теплой. Однако лес на противоположном берегу реки был покрыт толстым слоем инея и льда из-за тумана, что делало его красивым издалека.

Здесь было заметно теплее, чем в Сишане. Линь Шуйши снял с головы лисий мех и положил его в корзину на спине маленького коня. Мужчины тоже были очень довольны. Несмотря на трудности, с которыми они столкнулись, все было не напрасно, и они считали, что им очень повезло.

Старик Чжэн присвистнул и быстро повел своих братьев и Линь Шуйши вниз по горному хребту к восточному склону деревни.

Проходя по деревне, они миновали множество домов. Иногда группа сопливых детей играла со снежными вертушками, все еще радуясь, несмотря на холод. Некоторые взрослые звали их ужинать, и, увидев старика Чжэна и его спутников, одна из пожилых женщин с миской вареного картофеля в руках спросила:

— Чжэн Тоу¹, так холодно! Вы ходили на охоту в горы?

(1. Не уверена как перевести, но «頭» (tóu) дословно означает «голова», еще можно перевести как глава, шеф.)

Старый Чжэн улыбнулся в ответ:

— Сестра Ци, мы пришли на ужин. Мы не охотились, мы пришли забрать ребенка. Сын старшего брата Линя позвал нас, чтобы мы забрали его.

Сестра Ци была удивлена. Новости о волнениях в далекой горной деревне уже давно дошли до

ее племянницы, но жители Жэхэ, самодостаточные и сплоченные, были более благодарны отцу Линь Шуйши, который в прошлом помогал многим жителям деревни в трудные годы. Эта семья была одной из тех, кому он помог. В доме были только сестра Ци и ее сын.

После того, как женщина и многие жители деревни узнали о случившемся, они тоже планировали отправиться в Дуншань, но старик Чжэн остановил их. Теперь, увидев, что Шуйгер вернулся в таком хорошем состоянии, она прослезилась и поспешила к ней.

— Мой бедный гер, ты еще помнишь седьмую тетю?

Не говоря ни слова, она чуть не расплакалась. После долгих уговоров толпы она наконец сказала, что сначала немного побудет с Шуйгером и другими, а потом уйдет.

Перед расставанием седьмая тетюшка настояла на том, чтобы дать Линь Шуйши миску горячего картофеля, сказав, что даже если он не станет его есть, это согреет ему руки.

Линь Шуйши, привыкший к бетонным джунглям города, где, помимо своей комнаты, он бывал только в обычных супермаркетах и больницах, никогда не сталкивался с такой искренней добротой. Он немного растерялся и смутился, но все же вежливо поблагодарил ее. Он даже откусил большой кусок картошки на глазах у седьмой тетюшки, чем вызвал ее улыбку.

Когда группа поднималась по склону, круглолицая молодая женщина, стоявшая во дворе большого дома, просияла, увидев их. Она сразу же побежала в дом, крича:

— Мама! Папа и третий брат вернулись, и, похоже, они привели Шуйгера!

Внутри дома зазвенела посуда, и вскоре из дома выбежала целая толпа людей, чтобы поприветствовать их.

В этот момент Линь Шуйши, ведя за собой маленького черного коня и держа в руках горячий картофель, попал в оживленный мир людей.

В обширном и пустынном Дуншане прошла полная луна, и высоко в ночном небе висел слегка убывающий серебристый диск.

Фули, словно волк, лежал, раскинув лапы, на земле, лицом к ветру, на горном хребте, наблюдая, как группа людей исчезает в горах. Его волосы развевались на ветру, открывая глубоко вырезанные черты лица. Его золотистые звериные глаза излучали призрачное сияние в ночи.

Его руки были обнажены, а шкуры животных вокруг него были испачканы кровью. Позади него группа белых волков тихо охраняла его, но держалась на значительном расстоянии. Ни один волк не осмеливался приблизиться к Фули в этот момент.

Только пожилая волчица, хоть и двигалась довольно медленно, демонстрировала мудрость и сострадание, которые принесло ей время.

Фули осторожно повернул голову, оскалив свои звериные зубы, но, увидев «маму», он с трудом подавил бушующие в нем звериные инстинкты.

Взгляд волчицы был одновременно жалостливым и любящим. Не обращая внимания на свирепость Фули, она подошла и нежно потерлась головой о его морду, общаясь с ним на простом волчьем языке.

«Следуй, ты, за ним, человек».

Дыхание Фули участилось, но, взглянув на луну в небе, а затем на засохшую кровь на своем теле и все еще острые когти, он бросился вниз с горного хребта и исчез в бескрайнем лесу.

Волчица-мать с грустью смотрела на удаляющуюся фигуру, и в ее ушах эхом отдавались слова, которые спокойно произнес Фули.

Он сказал:

— Нет, я зверь.

Автору есть что сказать□

Мало того, что его жена сбежала, так еще и ему пришлось собирать чемоданы и везти его всю дорогу! Хахахаха

<http://bllate.org/book/14328/1269119>